

УДК 81: 271.22-9

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/5

Модификации индивидуально-авторской картины мира в условиях раскола Русской православной церкви

Е.Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

Россия, 460014, Оренбург, Советская, 19

E-mail: bekasova@mail.ru

Авторское резюме

Русская языковая картина мира с приходом христианства складывается как диалистическая не только в связи с осложнением её религиозно-философскими и религиозно-нравственными категориями и смыслами, но и потому, что сакральные тексты на старославянском языке, близком в структурном и системном отношении к восточнославянскому языку, позволяли сложиться особому мировоззрению и генетически неоднородному литературному языку, находящемуся в постоянном взаимодействии с церковнославянскими текстами. Гетерогенность усугублялась религиозно-политическими спорами XV–XVI вв., представляющими разные модели соотношения вселенского и национального, а также церковного и государственного устройства, что в условиях церковной реформы середины XVII в. вызвало раскол сознания русского общества. Весьма показателен в этом плане анализ сочинений наиболее значимых деятелей периода реформы Русской православной церкви – патриарха Никона и протопопа Аввакума, имеющих общие корни в Нижегородской губернии, сходство взглядов в начале церковных преобразований и подвергшихся опале, несмотря на диаметрально противоположные установки в развёртывании церковной «справы». При этом особо значимыми в репрезентации индивидуально-авторской картины мира следует признать их членов – царю Алексею Михайловичу. Казусная и мотивирующая части членов позволяли автору излагать свои жалобы, просьбы и пожелания с предельной индивидуальностью, а в обращении к одному и тому же адресату прослеживаются не только цели членов (для Никона – улучшение условий ссылки, для Аввакума – возвращение «древнего благочестия»), но и максимально проясняются значительные расхождения опальных

священников в концептуализации мира, его оценках, что отражается в их языковой картине, представляющей, с одной стороны, «вещное» восприятие мира, а с другой – порождение мыслительной и языковой деятельности в условия эсхатологического восприятия мира.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, религиозная дискурсивная картина мира, индивидуально-образная картина мира, раскол Русской православной церкви, протопоп Аввакум, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович

Modifications of the individual author's worldview under the Schism (Raskol) in the Russian Orthodox Church

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russia
E-mail: bekasova@mail.ru

Abstract

The Russian language picture of the world, following the adoption of Christianity, developed as a dualistic construct. This duality arose not only from the increasing complexity of its religious, philosophical, and ethical categories but also because sacred texts in Old Church Slavonic – a language structurally and systemically related to East Slavic languages – facilitated the development of a unique worldview and a genetically heterogeneous literary language. The heterogeneity was exacerbated by the religious and political disputes of the 15th–16th centuries, which presented conflicting models for the relationship between the universal and the national, as well as for church-state relations. These tensions, under the conditions of the church reform in the mid-17th century, culminated in a schism within the consciousness of Russian society. An analysis of the works by the most prominent figures of this period in the Russian Orthodox Church – Patriarch Nikon and Archpriest Avvakum – is particularly revealing. Despite their shared roots in the Nizhny Novgorod province, similar initial views on church reform, and shared experience of disgrace, they held diametrically opposed positions regarding the implementation of church “truth.” Their petitions to Tsar Alexei Mikhailovich are of particular significance for representing their individual

worldviews. The causus and motivational sections of these petitions allowed them both to express his complaints, requests, and desires with utmost individuality. By appealing to the same addressee – with Nikon seeking improved conditions of exile and Avvakum advocating for the return of “ancient piety” – their profound divergences in conceptualizing and evaluating the world are laid bare. This is reflected in their distinct linguistic worldviews: one representing a “material” perception of reality, and the other generating mental and linguistic activity conditioned by an eschatological perception of the world.

Keywords: picture of the world, language picture of the world, religious discursive picture of the world, individual-figurative worldview, the Schism (Raskol) of the Russian Orthodox Church, Archpriest Avvakum, Patriarch Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich

Начиная с работ В. Гумбольдта и особенно с введения Л. Вайсгербером понятия «языковая картина мира» в современной лингвистике идёт активный поиск моделей концептуализации мира, взаимодействия языковой картины мира с объективной действительностью, осуществляется установление связей национальной и универсальной языковой картины мира, специфики её отражения в менталитете народа и др. Значимость и актуальность исследований языковой картины мира в парадигме современной лингвистики обусловлены «активно проявляемой общей тенденцией к экспланаторности лингвистических исследований, к выходу в поиски внешних детерминаций различных сфер языкового существования, с одной стороны, и с другой – к возвращению языка в позицию средства исследования, материала постижения феноменов, ему в определенной степени внеположенных» [8: 6]. При этом осмысление языковой картины мира как когнитивного, психолингвистического, лексико-семантического и лингвокультурологического феномена [11] требует, по справедливому утверждению З.И. Резановой, «аспектированного исследования, выделения разных сторон его онтологии и функционирования и их относительно обособленного, но в то же время соотнесённого анализа» [8: 6].

В этом плане выделяются исследования, касающиеся представления индивидуально-авторской картины мира, особенно в условиях «слома» окружающего мира, что не укладывается в привычное его восприятие и осознание, в том числе и в координатах родного языка. К таким периодам в русской общественной жизни, бесспорно, относится время трагических событий и духовно-политических споров XVII в., решавших судьбу государства в Смутное время и приведших не только к расколу русской церкви, но и внёсших «разнствие

и великий раздор» в сознание людей, поскольку, по справедливо-му утверждению А.Ю. Большакой, в Древней Руси «архетип *Раско-ла* занимает одно из ключевых мест в общей иерархии архетипов» [3: 14]. Однако суть данных сдвигов в обществе, в той или иной степе-ни завязанных на русском теократическом идеале, коренилась, на наш взгляд, прежде всего в особом вхождении восточных славян в новую веру.

С приходом христианства в Древней Руси внедряется новая те-ологическая картина мира, сформировавшаяся в течение длитель-ного периода времени в других, территориально и хронологически отстоящих культурно-исторических условиях. Более того, благодаря старославянским текстам, которые со времени своего появления на Руси воспринимаются, судя по констатации летописца Нестора в нача-ле XII в., как нечто единое с восточнославянским языком – «а сло-венский язык и русский одно есть», – сложившаяся в них доступная славянам языковая картина мира начинает распространяться с раз-ной степенью интенсивности в соответствующих группах насе-ления, так или иначе захватывая все слои вступивших в православие людей и позволяя им принять и осознать высокий уровень религи-озно-философского и религиозно-нравственного восприятия мира, выработанного в течение тысячелетия «великими языцами». Сме-на жизненных парадигм определяла тот тип идущих в «обновление жизни» «новых людей», которых прославляет митрополит Иларион, а затем и Нестор.

Достаточно чётко об этом феномене присвоения, освоения и прет-ворения в собственную новую языковую картину мира высказался в своей знаменитой лекции И.И. Срезневский: «...от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние по-нятия обо всем; таким образом, понятие и вся образованность на-рода должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка» [16: 106], а за развитием языка «в его материальной форме» шло развитие «мысли, выражющейся в языке» [16: 99]. По Срезневскому, расхождение сакральных тек-стов и народного языка, имеющих различия не только в назначении, но и во времени и пространстве, постепенно увеличивалось в связи с «необходимою неподвижностью языка, освящённого церковью» и развитием языка народного – «более богатого жизнью, но зато более связанного с мелочами жизни», идущего «всё далее по пути изменений в своём составе и строю» [16: 37].

Сложная и до сих пор окончательно не исследованная языковая ситуации в Древней Руси обуславливает особый процесс соотноше-ния, корреляции и взаимодействия сложившихся, нередко диаме-

трально противоположных фрагментов складывающейся языковой картины мира, основанной на сакральных текстах и исконной концептуализации действительности и их интерпретации через призму родного языка.

Безусловно, взаимовлияние данных феноменов было неоднозначным для различных социальных групп, особенно в разделении на «мир» и «клир», которые сочетают их по-разному. Весьма показательно свидетельство «Повести временных лет» о поведении только что крестившегося Владимира Святославича, когда его правление «в страсе Божьи» настолько ослабило Русь, что священники были вынуждены скорректировать его понимание «новой» жизни, после чего Владимир «отверг виры, нача казнити разбойники» [7: л. 44]. Владимир Мономах представляет уже достаточно осмысленную модель восприятия мира древнерусским человеком: призывая соблюдать по мере возможности христианские заповеди, он подчёркивает значимую разницу между монахами и мирянами, которые, не ленясь, могут «малым деломъ улучти милость Божью» [10: л. 79 об.]. Однако религиозная картина мира вносила корректизы, поскольку, как справедливо отмечает А.М. Панченко, «древнерусский человек в отличие от человека просветительской культуры жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он “окормлялся” верой как наущенным хлебом» [12: 65–66].

Результаты корреляции языковой картины мира были наиболее значимы в среде священничества, при этом сразу возникла особенно проявившая себя в духовных спорах XV–XVI вв. дилемма установления жизни – или на основе евангельских заветов, или вселенскому предпочтеть национальное. Извечная проблема противоречия земной и небесной жизни не только не была решена в едином ключе, но и усугубилась крайностями взглядов в стремлении нестяжателей к аскезе, а иосифлян – к богатой церкви.

Однако, как отмечает В.В. Колесов, «профессия определяет мировоззрение», поэтому, с одной стороны, «нестяжательство, труд и стремление к нравственному совершенствованию были программой строительства личной души у Сергия Радонежского» [9: 564], подавшего свой личный пример монашества, а с другой стороны, уже Иван IV констатирует разрушение монастырского уклада и установление мирских обычаев даже в авторитетных и прославленных на Руси монастырях, что достойно «плача и скорби»: «Надобе четки не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердец плотян. Я видал – по четкам матерны лают!» [13: 183]. Иван IV четко разводит мирское и монашеское, которое невозможное соединить: «И только намъ благоволить Богъ у васъ пострищися, ино то всему

царьскому двору у вась быти, а монастыря уже и не будет. Ино почти в черынцы, и какъ молвити “отрицаюся мира и вся, яже суть в мире”, а миръ весь в очех?» [13: 166]. В этом не только проявляются различия бытия и быта, но и разные принципы их концептуализации, переработки знаний о мире и их осознания. Но реалии корректируют текст, противоречия сглаживаются, телесное превалирует, чему способствует не только жёсткая иерархия церковных чинов, сконцентрированность или, наоборот, территориальная разобщённость священничества, но и постепенное движение государственной власти к осознанию себя выше священничества.

В этих условиях постепенно трансформируется сложившееся восприятие мира, отражающее существующие и усиливающиеся противоречия внутри религиозного сознания, наслаждаемые на выбор вселенского или национального, что в результате непродуманных действий обеих ветвей власти приведёт, по мнению А.В. Карташева, к «столь же потрясающей и неожиданной операции для русского самосознания, как и последующая Петровская реформа» [7: 175]. В связи с этим изменяется и языковая картина мира Древней Руси, в той или иной степени вобравшая в себя феномен греко-славянского культурного мира, поскольку формируется новая культурная система и иной тип человека, рефлексирующего, прежде всего, над собственными культурными ценностями (подробнее см.: [5: 319–343; 12: 13–278]). При этом активная полемика вокруг вопросов веры и власти формировала новую языковую реальность, которая внедрялась в определенную часть общества, формируя его «софийное» сознание, т. е. язык некоторым образом «перекраивал» и сознание, и действительность. Вместе с тем до предела обострился дуализм восприятия и концептуализации мира священничеством, включая градацию монашеского жития и специфику бытия рядового духовенства, что так или иначе вошло в традиционную картину мира.

Вследствие этого особый интерес представляет исследование презентации фрагментов индивидуально-авторской картины мира у противоборствующей части духовенства в условиях оппозиции веры. Особенно это показательно у непримиримых противников – Никона и Аввакума, земляков, служивших одно время в Нижегородских пределах и действовавших изначально в одном поле русской мыслительной традиции. В подтверждение их мировоззренческой близости достаточно привести тот факт, что Аввакум подписал просьбу об избрании Никона патриархом.

Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович вместе начинали церковную реформу: две ветви власти, какими бы они доводами ни прикрывались – земными или божественными, – сначала объ-

единились, но затем произошло не столько разделение, сколько устранение избыточного властолюбия в выстраиваемой структуре государства.

Разведенные расколом, но оказавшиеся вне церкви и государства, опальный Аввакум и низложенный патриарх Никон через послания и челобитные не оставляют попыток общаться с царём. Сохранилось 5 челобитных протопопа Аввакума (1663–1669 гг.): Первая и Пятая челобитные сохранились в автографе, остальные – в копиях XVII в., составленных в среде староверов, в том числе сподвижников Аввакума. Послания и челобитные патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (48 проанализированных единиц) относятся к периоду его ссылки: от Воскресенского периода (1658–1666 гг.) дошли автографы, а в Ферапонтовский период (1667–1675 гг.) Никон, как правило, диктует и нередко сам правит текст. Выбор челобитных и частных посланий определяется тем, что такие памятники письменности демонстрируют высокую степень авторской свободы и дают возможность проследить практически все стороны духовной и физической жизни авторов в конкретном личном преломлении (Н.Н. Оглоблин, С.С. Волков, Д.В. Руднев, Т.С. Садова и др.), что с большой долей вероятности позволяет выявить их субъективно-личностные представления о мире. Кроме того, проведённое нами исследование языка челобитных Аввакума и патриарха Никона царю Алексею Михайловичу не выявило различий генетического фона их текстов, а следовательно, показало, что разошедшиеся в вопросах веры и правки богослужебных книг опальные священники действовали в рамках уже сложившегося русского литературного языка [17].

Следует отметить, что челобитные и послания царю Алексею Михайловичу являются только частью произведений символических фигур русского раскола. Сочинениям Аввакума посвящена значительная научная литература, включая исследования его челобитных (Д.С. Лихачев, Н.В. Понырко, А.М. Панченко, А.Н. Робинсон, В.В. Колесов, И.П. Еремин, Н.С. Демкова, Б.А. Успенский, Е.С. Отин и др.), в меньшей степени изучено письменное наследие Никона (В. Туминс, С.К. Севастьянова, В.В. Шмидт, Н.В. Воробьева и др.). В последнее время появились исследования, связанные с языковой личностью и языковой картиной мира периода раскола (Л.Ю. Мирзоева, А.В. Загуменнов, Л.С. Соболева, О.Ю. Осьмухина, Л.А. Климкова и др.). В нашем исследовании впервые представлен сопоставительный анализ особенностей индивидуально-авторской картины мира Аввакума и Никона в текстах, адресованных царю Алексею Михайловичу.

Аввакум, безусловно, является цельной фигурой с таким мощным религиозным мировоззрением, которое под влиянием внешних

обстоятельств и его коммуникативной деятельности проповедника разворачивается, расширяется и углубляется, но только в направлении, связанном с его основными религиозными позициями и ценностями, базирующимися на предшествующем опыте православного подвижничества. В его системе оценок и образных представлений о мире телесному и вещному миру предоставлена исключительно вспомогательная роль для утверждения своей правоты в условиях утраты «церковной благости». В «канун конца света» Аввакум берет на себя ответственность истинного священника, а мятущийся мир воспринимает его как пророка: «...ему даётся авторитет священно-мученичества, ибо он “омыл” своих пасомых не только слезами, но и кровью. Он власть имеет и анафематствовать и повелевать» [7: 221].

В этих условиях разворачивается деятельность гениального Аввакума, у которого, как совершенно справедливо отмечает А.М. Панченко, «был совершенно исключительный дар слова – и, следовательно, дар убеждения» [12: 371]. Этому дару подчиняется всё личное – оно становится только иллюстрацией его главной идеи о недопустимости разорения православия. Показателен виртуальный диалог Аввакума с Алексеем Михайловичем в его Первой челобитной к царю: «Изволишь, государь, с долготерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возвещу немного» – «Не скучно ли тебе, государю-свету?» – «Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну!» (160, 161, 163, здесь и далее страницы указываются по [2]).

Иронично подчеркивая: «скорбно тебе, государю, от докуки нашей», Аввакум разворачивает мартиролог, включающий почти все страдания и мучения, кроме пока не свойственной русской жизни огненной казни. После общей фразы «Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутъем мучат и томят на морозе гладом. А все Церкви ради Божия стражем» (160) Аввакум с трагической обыденностью перечисляет, как был «удавлен» в Нижегородском уезде ради церкви Божия; в Москве «топтан злых человекъ ногами, и дранъ за власы руками», в том числе и Никоном; возили его с «чепью» в изодранных одеждах распятого – «о сих всех благодарю Бога» (161); сажали в землянью яму без еды и пищи; «живучи на востоке в смертях многих», потерял двух сыновей, одевался в бересту, испытал «кнутное биение», шесть лет ел «не по естеству пищу: вербу и сосну, и траву и коренье, и мертвяя мяса зверины, а по напраснству и по прилукаю – и кобылие» (162).

Формирующее эсхатологическое сознание начинает воспринимать атрибуты земной жизни через призму жизни небесной, поэтому в челобитных даже необходимые для поддержания физического

существования вещи встраиваются в особую систему символов и смыслов – нижний слой поддержания человеческого существования (кора, травы, кореня, мертвичина и пр.) рассматриваются как Божий дар, усмиряющий плоть и поднимающий дух. Повседневная крестьянская еда возвышается или до высоких человеческих даров – «Боярона пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы куты наелись» (81), или до Божьего промысла – «Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим по-велением нужде нашей помогая; Бог так строил» (81). Показателен в этом отношении эпизод, когда после трех дней голода и жажды к измученному Аввакуму пришел «не вемь – ангель, не вемь – человекъ и, взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привель и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штецъ дал похлебать – зело привкусны, хороши!» (72). Простая и умеренная снедь воспринимается как божественная, переданная через ангела благодать, при этом не качество и не размер, а её значимость для поддержания духа определяется особым отношением через уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Описывая в своих члобитных самые тяжёлые времена ссылки, Аввакум испытывает муку не столько от голода и мороза, сколько от невозможности исполнять свой христианский долг как положено, а не совмещая его с физическими трудами: «...идучи, или нарут волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а самъ и правило в те поры говорю», «на сошке складенки поставя, правильца поговорю» (89). Аввакум концептуально утверждает выбор между телесным и духовным: «Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад великий человеку – Бога не моля, жити» (89). Вода и хлеб становятся символами духовного обращения к богу, и если появляется другая пища, не сопряженная с духовной ипостасью, то она представляется как мирские соблазны: «Не игрушка душа, что плотским покоем ея подавлять! Да переставай ты и медокъ попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да живем же» (213). Языковая картина мира в отношении пищи коррелируется с религиозной и фольклорной в избегании конкретики, поскольку главное – дать благопотребное плоти так, как в своё время кормился Иисус. Более того, для Аввакума духовное и земное неразрывно соединяются: «Я веть богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатию и пречистый Богородицы милостию и всех святых молитвами» [6: 293]; «Я поехал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять» [6: 235].

Осуждение вещного мира приводит к сужению его контуров до слов-концептов, несущих значимую религиозно-идеологическую нагрузку для характеристики праведного и неправедного житья: «И ныне много таких; всяк Иуда, иже льстит и обманывает, любя тленные вещи и сребро паче души своея» [6: 151].

По-другому выстраивается языковая картина мира «извергнутого» из патриаршества Никона. Судя по его посланиям и челобитным царю Алексею Михайловичу, Никон только в начале ссылки в Ферапонтов монастырь пытается доказать свою правоту (1667 г.), но затем тема раскола поднимается лишь в аспекте претензий к своим гонителям, которые не признают реформы, что используется автором как очередной укор царю [1]. Отринув от себя религиозно-политические споры, Никон пытается убедить в своей правоте только царя: для него не важен раскол общества и церкви – важно, что «возрасте меж нами великая скута, великая» (Н462, здесь и далее страницы указываются по [14]). Не простив царя в послании 1667 г. – «ждать суда Божия» (Н441), Никон не простит Алексея Михайловича и после его смерти. Но при этом бывший патриарх постоянно ищет в своих посланиях царского снисхождения и милости, потому что быстро утратил настрой нового мученика, когда «лишение слуг, пищи и пития, и прочих – поминаю Лазаря убогого и Иова многострадального и веселюсь... может вода утолита жажду, и глад – хлеб. Аще ли и сих повелиши лишите – скорее; скорее к надеемым благим пристроюсь» (Н440).

В посланиях Никона на смену религиозной риторике приходит реальный мир: клопы и блохи, чад и смрад, зной и холод; сам затворник «оцынжал и одряхлел» (Н472), «ободрался и обносился» (Н525), «и от юности такие бедности не видал» (Н525). Описание физических страданий занимает значительное место в письмах Никона, и при типичных формулировках типа «бос и наг», «помираю от голода и без платья», «окован нищетою, паче железы» можно встретить подробности ослабления некогда физически мощного мужчины: «...ходил я, богомолец твой, на поварню есть сварить про себя, и пал на лесницу, а с лесницы выше сажени летель, и розбрился весь, ходить и делать ничево не могу» (Н522); «обжогся и обносился до нага, и креста на мне нете третей год; руки больны, левая не подымается, очи чадом и дымом выело, и есть на них белма, из зубове кровь идет смердящая, ноги пухнуть» (Н463) и под. С одной стороны, такие подробности, иногда весьма личные, должны вызывать жалость у царя и способствовать облегчению физических страданий узника, не забывающего ни на секунду о своей былой безграничной власти и богатой жизни, которые может вернуть ему только Алексей Ми-

хайлович. С другой стороны, ощущается более глубокое погружение Никона, свободного от других раздумий, кроме как о себе, в мирскую жизнь с её тщательно проработанной системой вещей, которые были ему знакомы и понятны. В отличие от Аввакума, у которого проповедь и молитва всегда были на первом месте при исполнении хозяйственных дел, Никон вспоминает об этом изредка, чтобы пожаловаться или на свою немощь, или на отсутствие нужной для этого вещи – «часищек», печатных книг, риз, церковных сосудов и пр.

Представляется, что Никон и Аввакум направляли свою неукротимую энергию на то, что соответствовало их особому восприятию действительности и осознанию своего места в ней: для неистового протопопа этим до конца жизни стало «слово Божие проповедати и учили по градом и везде» (87), а «богатырский напор и увлечение, буйный темперамент и неумеренная властность» Никона [7: 141] нашли своё применение в церковном и государственном строительстве, а в заточении – в обустройстве собственного быта. И здесь Никон ведет себя как крепкий хозяин монастырского подворья: он просит, требует и даже приказывает царю. Он отчитывается перед царем, скрупулезно перечисляя присланное («пожаловали прислали... две ковришки пряных пшеничных, да две жъ ковришки сахарных, да тысячю двести яблок, да двадцать два арбуза белого-роцких и тамбовских» (Н497); со знанием дела проверяет росписи («и в росписех отписал... указал лошадей моим и коровам из монастырей сена имати в год: на лошадь – по четыре копны мерных, на корову – по три копны, на быковъ и на нетелей – по две копны, на малых телят – по копне сена мерных же» (Н540)) и др. Он же царя отчитывает: за соболи меха, не по размеру присланые; за то, что «было ожыдал к себе и овощей, винограду в паток и яблочек, и слив, и вишенок, только вам Господь Богъ о том не известил» (Н531); за невыполнение царских указов на местах и под. Особенno по-казательно Послание 1675 г., где Никон в тонкостях разбирается в «хлебных, и столовых, и рыбных запасах, и дровах, и сене» (Н540), в хранении овощей, грибов и мяса; в кузнечном, бочарном, сапожном и портновском деле и пр. При этом патриарх указывает великому государю на те хитрости, к которым прибегают государевы люди, меняя качественные продукты на негодные. Никон, как рачительный хозяин, всё контролирующий и во всё вникающий, входит в мир того натурального хозяйствования, который был ему уже знаком, но теперь он становится для него не только главным, но и единственным, отсюда и лексика, свойственная росписям, приказам и актам того времени, например, в заказе для келейного обустройства: «... гвоздя кровельного пришлють, какъ купять, а крюков, де, оконных и

дверных, и петель закладных, и на опушки полстей, и кож, и гвоздья, и на окончины слюды и железа» (Н519).

Такой же вещный мир с особыми подробностями вспоминается Никону из его прошлой жизни – роскошные часы (серебряные, по-золоченные, в хрустале, с каменьями и пр.) и богато украшенные книги (Н505). Действительно, тяжёлые условия содержания узника не стёрли у человека, до последнего именующего себя патриархом, воспоминаний об украшении не только церквей, но и своего великого государева жития, более того, утвердили его на устроение практически натурального хозяйства, которым жила низовая братия обедневших монастырей. В этой жизни Никон не мог пойти на аскетическое подвижничество – он бился за каждый аршин и вершок осетров, за четверти и осьмины зерновых, за меру сена в копнах, каждый раз мотивируя размеры и объёмы или царскими приказами, или хозяйственными нуждами, нередко ставя на место самого царя за незнание, например: «А мех государя царевича и великого князя Петра Алексеевича не в нашу меру: из него платна не будете – длины надобе два вершка в прибавку, а в подоле мех ево, государева, жалованья с четвертью три аршина, а нам шьетца платно в полпята аршина, а по-оскуду с четвертью в четыре аршина, а здесь на дополньку прикупить к нему негде, и кровли, подобные ему, добыть негде же» (Н476).

Безусловно, узник, просящий пожаловать себе рыбки и икорки, винограду и арбузов, соболей на варежки и пр., несмотря на тяжелый быт и изнурительные болезни, был не только далёк от известной ему аксиомы, что «христиане не вещь чтуще, но образ», но и не мог понять и принять той модели христианского мира, которую проповедовал Аввакум.

Таким образом, формирование русской языковой картины мира в развитии Русского государства и обслуживающего его языка оставляли некий дуализм и колебания в её отдельных фрагментах, что усиливалось активными духовно-политическими спорами священничества в XV–XVI вв. и стремлением светской власти подчинить церковь в XVII в. Реформа Русской православной церкви, до предела обострившая накопившиеся проблемы в осмыслиении вселенского и национального, раскололо общество, в котором наиболее активная часть, прежде всего священничество, реализует собственное видение окружающей действительности в той языковой картине мира, которая внедряется в сознание общества или через проповедь, или через формирующиеся государственные механизмы. Раскол мира обусловливал и разную ориентацию в нем.

Челобитные Аввакума убедительно показывают его последовательный уход в аскетическое отречение от реальности [4: 35], в

результате чего систематизация языковых средств усиливает религиозно-философскую значимость слова, конкретная сущность которого сохраняется в виде некоего покрова для необходимого определения земных реалий, подготавливающих человека к жизни вечной в условиях гибели русской церкви.

Челобитные и послания Никона убедительно показывают, что они олицетворяют те тенденции, которые обусловили выход Московской Руси «из-под купола средневекового теократического мировоззрения» [7: 197] и восприятие мира через мирской практицизм, который, по всей видимости, направлял патриарха Никона в его деятельности строительства монастырей и церквей, решения государственных и церковных нужд. В ссылке масштабы его деятельности сузились, но низверженный патриарх не утратил хозяйствской хватки, при этом его погружённость в вещный мир, когда он был полностью занят ведением своего небольшого хозяйства, осозаемого им вплоть до мелочей, видимо, позволяла Никону не терять ни присущей ему напористости в повседневной суете, ни надежды на возвращение к былой деятельности и другому вещному миру.

Если у Аввакума тело и душа разграничиваются до стадии приятия физического естества только в самых необходимых проявлениях, которые были присущи и Иисусу Христу, то Никон, вынужденно ограничиваясь малым, притягивает земное в полном убеждении в своей правоте и верит, что может вернуть свою некогда беспредельную земную власть. Судя по челобитным Никона, вещный мир для него реальнее мира идей и людей, поэтому он с особой теплотой вспоминает конкретные предметы, значимые для него именно потому, что он ими обладал. Они его притягивают как знак той, достойной его жизни, которая осмысливается не столько духовно, сколько осозаемо – в предметах, их количестве и качестве.

Отсюда и расхождения у некогда близких по служению церкви Аввакума и Никона той системы смыслов, которая интерпретирует реальность. Концептуализация мира Аввакума лежит в плоскости того, что важно для души, остальное вытесняется на уровень подсознательного и не требует дифференциации и отдельного названия. Поэтому для Аввакума значимы гиперонимы, например хлеб и вода как образы, которые одновременно обозначают и земные, и духовные сущности.

Никон также пользуется достоянием религиозно-философской мысли, но в ссылке для него оказалось важнее то, что фиксируется в росписях как конкретном и детальном перечне каждого из предметов. В связи с этим у Никона и Аввакума работают разные регистры языковой картины мира. Например, рыба воспринимается

Никоном как продукт разного качества и размеров, с детальными наименованиями от осётров до «ершичек», а Аввакум, также сведущий в видах рыб и даже особо отмечающий их богатство в Даурах (осётры, таймени, стерляди, омули, сиги и пр. родов много), прежде всего осознает рыбу как символ христианства, что позволяет ему в своём подвижничестве «словесные рыбы промышлять». Никон просит у царя «яблочек, а я того благословения Божия седьмой год не едал» (Н497), и радуется, получив 1200 яблок. Аввакум, признавая яблоко как «красную и добрую снедь», напоминает, что это «уморивший плод» Адама и освящать его может только Вселенский российский собор, а не пьяные разумом никониане [15: 884].

Индивидуально-авторские картины мира опальных церковных деятелей, представленные в членитных царю Алексею Михайловичу, отражают задействованные в религиозно-идеологическом и религиозно-политическом противостоянии изменения фрагментов дискурсивной религиозной картины мира периода раскола, где на основе личностной рефлексии усиливается или её мирская часть, соответствующая нарастающим светским притязаниям (Никон), или ее духовная составляющая в эсхатологическом преломлении (Аввакум).

Литература

1. Бекасова Е.Н. Дискурсивные практики царского членитчика патриарха Никона: между возгоржением и смирением // Уральский филологический вестник. 2021. № 2 (30). С. 89–104.
2. Библиотека Древней Руси. Т. 17 (XVII в.) / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2013. 662 с.
3. Большакова А. Архетип раскола в древнерусской литературе // Polylogue. Neophilological Studies. 2018. № 8. С. 5–16. doi: 10.34858/polilog.8.2018.001
4. Бубнов Н.Ю. Протопоп Аввакум и патриарх Никон: Жизнь и служение глазами старообрядцев // Российский журнал истории Церкви. 2022. Т. 3. С. 17–37. doi: 10.15829/2686-973X-2022-84
5. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 758 с. (Studia philologica) (Язык. Семиотика. Культура).
6. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н.К. Гудзия; подг., ком. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.И. Мазунина, А.С. Елеонской, Н.С. Сарафановой. М.: ГИХЛ, 1960. 479 с.
7. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА–TERRA, 1992. 569 с.

8. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 354 с. (Серия: Монографии. Вып. 10).
9. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 400 с.
10. Лаврентьевская летопись. 1377 г. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения: 24.04.2025).
11. Обухова О.Н., Оношко В.Н., Березина, Ю.В. Подходы к исследованию картины мира // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 10. С. 96–104.
12. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
13. Послания Ивана Грозного / подг. текста Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье; под ред. В.П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). СПб.: Наука, 2005. 716 с.
14. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / науч. ред. Е.К. Ромодановская. М.: Индрик, 2007. 776 с.
15. Сочинения Аввакума // Русская историческая библиотека, т. XXXIX. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. I, вып. I. Л.: АН СССР, 1927. 960 с.
16. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка / вступ. ст. С.Г. Бархударова. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. 136 с. (История языков народов Европы).
17. Bekasova E.N. Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. P. 294–302. doi: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32

References

1. Bekasova, E.N. (2021) Diskursivnye praktiki tsarskogo chelobitchika patriarkha Nikona: mezhdu vozgorzheniem i smireniem [Discursive practices of the royal petitioner Patriarch Nikon: Between excitement and humility]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*. 2(30). pp. 89–104.
2. Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A. & Ponyrko, N.V. (eds) (2013) *Biblioteka Drevney Rusi* [Library of Old Russia]. Vol. 17. St. Petersburg: Nauka.
3. Bolshakova, A. (2018) Arkhetip raskola v drevnerusskoy literature [The archetype of schism in Old Russian literature]. *Polylogue. Neophilological Studies*. 8. pp. 5–16. doi: 10.34858/polilog.8.2018.001
4. Bubnov N.Yu. (2022) Protopop Avvakum i patriarh Nikon: Zhizn'i sluzhenie glazami staroobryadtsev [Archpriest Avvakum and Patriarch Nikon: Life and

service through the eyes of Old Believers]. *Rossiyskiy zhurnal istorii Tserkvi*. 3. pp. 17–37. doi: 10.15829/2686-973X-2022-84

5. Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predistorii russkoy kul'tury* [Research in the History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

6. Gudziy, N.K. (ed.) (1960) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [The life of Archpriest Avvakum, written by himself, and his other works]. Moscow: GIKhL.

7. Kartashev, A.V. (1992) *Ocherki po istorii russkoy tserkvi: v 2-kh t.* [Essays on the History of the Russian Church: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: TERRA.

8. Rezanova, Z.I. (ed.) (2005) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya vyazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University.

9. Kolesov, V.V. (2004) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Bytie i byt* [Old Rus': Heritage in the Word. Being and Way of Life]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

10. Russia. (n.d.) *Lavrent'evskaya letopis', 1377 g.* [The Laurentian Codex, 1377]. [Online] Available from: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (Accessed: 24th April 2025).

11. Obukhova, O.N., Onoshko, V.N. & Berezina, Yu.V. (2017) Podkhody k issledovaniyu kartiny mira [Approaches to the study of the picture of the world]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 96–104.

12. Panchenko, A.M. (2000) *O russkoy istorii i kul'ture* [About Russian History and Culture]. St. Petersburg: Azbuka.

13. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (2005) *Poslaniya Ivana Groznogo (reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1951 g.)* [Messages of Ivan the Terrible (reprint reproduction of the 1951 edition)]. St. Petersburg: Nauka.

14. Sevastyanova, S.K. (2007) *Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty* [Patriarch Nikon's Epistolary Legacy. Correspondence with Contemporaries: Research and Texts]. Moscow: Indrik.

15. Archpriest Avvakum. (1927) *Sochineniya Avvakuma* [Works of Avvakum]. In: Platonov, S.F. (ed.) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XXXIX. Leningrad: USSR AS.

16. Sreznevskiy, I.I. (2007) *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. Moscow: KomKniga.

17. Bekasova, E.N. (2020) Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings*. pp. 294–302. doi: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32

Бекасова Елена Николаевна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Россия).

Elena N. Bekasova – Orenburg State Pedagogical University (Russia).
E-mail: bekasova@mail.ru